

УДК: 346.4(470):39

Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества

Юрий Владимирович Попков

доктор философских наук, профессор,
заместитель директора по научной работе,
заведующий сектором этносоциальных исследований,
Институт философии и права, Сибирское отделение РАН (г. Новосибирск)
yuripopkov54@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется серия концептуальных вопросов современной национальной политики России с акцентом на выявление ее роли как фактора межэтнической интеграции. Особую актуальность эта проблема приобретает на уровне мультинациональных регионов, в частности, Сибири. Показано, что проблема регулирования этносоциальных процессов, составной частью которых являются межэтнические отношения, приобрела глобальный характер в условиях роста этнокультурной сложности общества на всех уровнях его организации. Обосновывается необходимость использования отечественного исторического опыта в реализации национальной политики и сложившихся традиций его научного осмысления. Жесткая многолетняя полемика между сторонниками гражданской (политической) и этнической (культурной) трактовки нации не привела к явной победе одной из сторон. Поэтому для обозначения данных феноменов целесообразно использовать не одно понятие, а два — соответственно «национально-государственный» и «этнонациональный». В отличие от конструктивистской позиции в понимании нации отстаивается точка зрения, что нация — это не только форма коллективного сознания, но также и коллективного существования, коллективного действия, коллективной субъектности. Аргументируется идея не противопоставления, а взаимодополнения государственно-гражданской и этнической идентичностей. Обосновывается рассмотрение этносоциальных процессов в качестве комплексного объекта национальной политики. Развитие отдельных этнических групп представляется как взаимозависимое развитие в рамках локального и регионального межэтнического сообщества, которое интерпретируется в качестве элементарного эмпирического объекта в исследовании этносоциальных процессов. На основе фиксации актуальных проблем и основных тенденций этносоциального развития народов Сибири обосновывается необходимость выделения региональных моделей национальной политики. При этом учитывается их детерминированность спецификой объективных процессов, которые действуют в локальных межэтнических сообществах. Реализация обозначенных концептуальных установок в практической деятельности органов власти по реализации национальной политики является, по убеждению автора, важным условием межэтнической интеграции российского общества.

Ключевые слова: Нация, национальная политика, межэтнические отношения, регион, этносоциальные процессы, интеграция.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94

Цитирование: Попков Ю. В. Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества / Ю. В. Попков // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 114-131.
DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94

Ведущей тенденцией современного мирового развития является процесс глобализации, который характеризуется разносторонними, неоднозначными и противоречивыми последствиями. Применительно к социокультурной динамике его доминирующими проявлениями выступают, с одной стороны, усиление интеграционных и унификационных процессов, укрепление взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и народов, с другой стороны, рост полиэтничности и культурной сложности, усиление разных форм фрагментации и локализации. Соответственно, можно говорить об эффектах как сближения и унификации культур, так и относительного обособления их носителей.

Как реакция на влияние глобализации, которое ведет к нивелированию этнокультурного разнообразия, усиливается тенденция к возрождению национально-культурных ценностей и обычаев. Эту ситуацию сегодня часто называют «этнический бум» или «этнический ренессанс». Во многом ее порождает нарастание глобализационных процессов, которые неизбежно сопровождаются унификацией и массовой унификацией культур.

«Глобалистский универсализм принимается и одновременно подвергается сомнению, так как обольщение эффективностью новой тотальности жизненных форм наталкивается на сопротивление „почвы“, культуры, смысла и уюта принадлежности к дому. Одновременно невозможность сохранить „дом“ в неприкосновенности под натиском явно выраженной потребности в глобализме и модернизации создает драматическое ощущение разрыва, несовместимости, потерянности, а в ряде случаев и трагическое предчувствие надвигающейся катастрофы, пусть и в мягкой форме „заката“» [20, с. 178-179].

Современная ситуация со всей очевидностью опровергает известный тезис Ф. Фукуямы о «конце истории». Мало того, история не просто продолжается, она интенсифицируется, превратившись в весьма подвижную, постоянно меняющуюся и проблематизируемую величину в

рамках новой реальности — нелинейной социокультурной динамики [28]. Одной из ее характерных черт является расширяющееся и углубляющееся культурное разнообразие, которое включает в себя в качестве значимой составляющей разнообразие этнокультурное. Противоречивость и проблемность ситуации усугубляются продолжающимися процессами урбанизации, масштабной внутренней и трансграничной миграции, что ведет к усложнению социальной организации в аспекте ее полиэтничности, причем, не только на глобальном, но также региональном и локальном уровнях.

Есть все основания говорить о том, что современная глобализация приводит к формированию внутренне разнородного единства. При этом национальные (этнические) общности сохраняют себя в качестве измененных и обогащенных в процессе взаимодействия и взаимного влияния, но относительно самостоятельных феноменов. Складывающаяся в результате глобализации новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия. Осознание данного факта привело к принятию на уровне мирового сообщества в лице его наиболее представительных организаций важных решений, среди которых отметим Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) и провозглашение в 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития, который отмечается ежегодно 21 мая.

В рамках общей культурной сложности этнокультурная сложность имеет особое значение, поскольку неизбежно возникающая в результате обозначенных процессов напряженность межэтнических отношений рождает множество проблем. В их числе — реальная угроза безопасности отдельных регионов и целых государств. Причем такая ситуация обычно связана не только с собственно этнокультурными проблемами, которые регулируются культурной политикой. Важное влияние здесь оказывают этносоциальные проблемы, связанные с недостаточной упорядоченностью этносоциальных процессов. Данные процессы должны находиться под регу-

лирующим воздействием со стороны национальной (этнонациональной) политики.

В этих условиях актуализируется проблема осмысления возможностей интеграции общества на разных уровнях его организации, поиск таких его механизмов (прежде всего реализующихся в государственной национальной политике), которые были бы адекватны возрастающей этнокультурной сложности современного мира. Одновременно важно учитывать накопленный в каждой стране практический исторический опыт в данной области, а также традиции его научного осмысления. Иначе говоря, вопросы национальной политики актуальны как с точки зрения ее практической реализации, так и с позиций соответствующего методологического и теоретического обеспечения.

Очевидно, что обозначенная тема касается достаточно широкого проблемного поля. Конкретной задачей настоящей статьи является постановка и обсуждение наиболее значимых концептуальных вопросов современной национальной политики в России в аспекте ее влияния на формирование интеграционного потенциала общества с учетом глобального и внутривнутриполитического контекста. Для обоснования своей позиции будем использовать не только теоретические аргументы, но и результаты проведенных в последние годы в регионах Сибири под руководством автора массовых и экспертных опросов¹.

Прежде всего отметим, что проблемы межэтнических отношений как важной составляющей этносоциальных процессов существовали и продолжают существовать практически во всех государствах, которые в той или иной степени являются полиэтническими. Более того, они зачастую обостряются именно под влиянием процессов

развития демократии, модернизации и научно-технического прогресса. Поэтому управление ими относится к основным элементам внутренней политики многих современных государств.

Если говорить о фундаментальных концептуальных основаниях практической деятельности по реализации государственной национальной политики, то целесообразно связать их с основными типами научной рациональности — классическим, неклассическим и постнеклассическим. Соответственно можно выделить три существующие в мировой практике доминирующие модели национальной политики, базирующиеся на этих типах рациональности: интегративно-ассимиляционная, реализующаяся без учета фактора этнического многообразия; интегративно-адаптивная, строящаяся с учетом этого многообразия и стихийно-релятивистская (мультикультуральная), восходящая к постмодернизму и культурному релятивизму и ориентирующаяся на ситуационный подход и антикризисный менеджмент межнациональных отношений [4].

Выделенные модели национальной политики имплицитно встроены в процесс принятия управленческих решений. Уходящие своими корнями в глубинные пласты рациональности и связанные с доминирующими парадигмами научного знания своего времени, они не всегда осознаются даже теми, кто их реализует на практике. Но это вовсе не отменяет их наличие в реальности. Надо также иметь в виду, что в «чистом» виде модели существуют лишь на уровне теоретических построений. В практической деятельности органов управления, как правило, соседствуют элементы разных моделей, хотя доминировать может одна из них.

В современную эпоху наблюдается заметное изменение принципов, лежащих в основе национальной политики. Даже США, долгое время считавшими себя единой, интегрированной нацией, отказались от политики «плавильного котла», не справившегося с задачей «переплавки» этнической многокультурности. Они перешли к идеологии «миски салата», которая исходит из признания наличия этнокультурного многообразия. Но серьезные проблемы самим данным фактом не преодолеваются. Об этом красноречи-

¹ В частности, используются результаты проведенных в 2013–2014 гг. под общим руководством автора массовых и экспертных опросов (организатор массового опроса – Е. А. Ерохина) по вопросам этносоциального развития и этнонациональной политики в отдельных регионах Сибири: Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Новосибирской области и Республике Алтай (всего опрошено более 2 тыс. чел.).

во высказался знаменитый С. Хантингтон, фиксируя серьезные проблемы, которые, по его мнению, уже в ближайшие годы могут привести к тому, что Соединенные Штаты настолько изменятся, что обретут абсолютно иные государственные принципы и изменят национальную идентичность [29, с. 33-34].

Для такой оценки есть определенные основания, в том числе в виде активизации существующих здесь сепаратистских настроений. Совсем свежая информация касается Калифорнии, где оживилось движение Yes California, сторонники которого выступают за выход этого штата из состава США. В настоящее время его лидеры получили разрешение на сбор подписей в поддержку проведения референдума по поводу таких изменений в региональной конституции, которые бы позволили организовать голосование по данному вопросу [21].

Кардинальный способ решения существующих проблем в области миграционной политики предпринял новый президент США Д. Трамп практически сразу после своей инаугурации. Как известно, он подписал указ о строительстве сплошной стены по линии всей границы с Мексикой общей протяженностью более 3 тыс. км. [26]. Это решение вызвало волну протестов, серьезно раскололо американское общество и усилило сепаратистские настроения во многих штатах страны.

Другой яркий пример, который иллюстрирует сложности в регулировании процессов, вызванных усилением этнокультурной сложности, касается Западной Европы. Известно, что лидеры некоторых государств (Германии, Франции, Великобритании) несколько лет назад заявили о крахе проводимой в последнее время в своих странах политики мультикультурализма. Ситуация еще больше обострилась под влиянием масштабных потоков беженцев, хлынувших сюда из охваченных «цветными революциями» и военными конфликтами стран Ближнего Востока. Многие эксперты оценивают сложившееся положение в Европе как миграционный кризис с возможными катастрофическими последствиями. Как представляется, следует более точно

диагностировать данную ситуацию не только как кризис миграционный, но и кризис национальной (этнонациональной) политики. Ее концептуальные основания и нынешняя практика реализации не в состоянии решить проблему межэтнической интеграции европейских государств.

Россия, пережившая распад СССР, в 1990-е гг. прошла испытание не только «шоковой терапией», либерализацией, кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями, но также активизацией этнонациональных движений, обострением межнациональных (межэтнических) отношений и существенными изменениями характера этносоциальных процессов. Важное значение для руководителей властных структур автономий в составе России имела историческая фраза главы Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Он произнес ее, выступая в Казани в августе 1990 г., тем самым спровоцировав волну «парада суверенитетов» автономных республик. Известно, что во многих из них были приняты законы, противоречащие федеральному законодательству (о верховенстве республиканских законов над российскими, о государственном суверенитете, собственном гражданстве, исключительных правах на недра, привилегиях в правах для титульных национальностей и др.) [3]. Одним из последствий такой политики стало растущее неравенство между субъектами федерации по целому ряду параметров. Федеральная власть вынуждена была пойти на эти уступки и компромиссы, чтобы сохранить целостность страны. Лишь в начале 2000-х гг. региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным. Хотя на уровне основного закона страны провозглашается равноправие субъектов Федерации, отмеченное неравенство до сих пор окончательно не преодолено.

Относительная стабилизация этносоциальной ситуации произошла в 2000-х гг., что создало у органов власти иллюзию благополучия в данной сфере. Видимо, федеральные власти были настолько убеждены в этой своей иллюзии, что в

октябре 2001 г. упразднили Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики (в таком виде оно существовал с мая 2000 г.). Весь постсоветский период у федеральных органов не было четкого представления о сути, содержании и месте национальной политики в структуре государственной власти. Об этом красноречиво свидетельствует уже простое перечисление постоянно сменяемых названий органов, в ведении которых оказывались вопросы национальной политики с 1991 по 2000 г.: Государственный Комитет РСФСР по национальной политике, Государственный комитет по делам Федерации и национальностей, Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям, Министерство региональной и национальной политики, Министерство национальной политики.

После ликвидации Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики кураторство последней в правительстве передано министру «без портфеля», которым стал В. Ю. Зорин. Позднее, отвечая на вопрос, почему упразднили министерство, он отмечал:

«Победила либеральная западная модель отношений к этнической политике. Государство ушло из этой сферы, отдав все на откуп гражданскому обществу. А оно пока не готово... Министерства и ведомства, отвечающие за государственную национальную политику, были ликвидированы практически во всех субъектах Федерации, а специалисты, работавшие в них, покинули госслужбу» [7, с. 19]

Позднее вопросы национальной политики перешли Министерству культуры, а после событий в Беслане — Министерству регионального развития [8].

Иллюзия благополучия в сфере национальной политики развеялась после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Стало ясно, что эта политика и состояние тех процессов, которые она призвана регулировать — важнейшая составляющая государственной политики, основа национальной безопасности России.

Актуализированное событиями на Манежной площади пристальное внимание органов власти к проблемам современной государственной национальной политики нашло отражение в серии значимых событий. Среди них наиболее заметными являются: публикация в январе 2012 г. концептуально насыщенной статьи (тогда председателя правительства, кандидата в президенты Российской Федерации) В. В. Путина «Россия — национальный вопрос», создание в июне 2012 г. при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, утверждение в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее Стратегия) [22], принятие в августе 2013 г. федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [27], создание в марте 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей.

В доктринальном отношении особое значение имеет содержание Стратегии, поскольку в ней нашли концентрированное выражение официальные установки в области государственной национальной политики, которые составляют фундаментальную основу практической деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти по укреплению гражданского единства, совершенствованию этнокультурного развития, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений и др. Следует, однако, отметить, что и после утверждения Стратегии остается немало важных, но не до конца проясненных вопросов, касающихся теоретико-методологических оснований и концептуальной строгости текста Стратегии. А также полноты соответствия провозглашенных задач реальному положению дел в данной сфере общественной жизни, потенциальным возможностям межэтнической интеграции российского общества. Представляется важным и учет общественного мнения населения, включая разные группы экспертов, по актуальным проблемам современной национальной политики в России.

Ранее в своих публикациях мы уже касались концептуальных аспектов национальной поли-

тики [13-15]. Продолжим обсуждение темы и обозначим далее несколько значимых проблемных вопросов.

Хотя в Стратегии Россия признается многонациональным государством с наличием межнациональных отношений, по сути, в ней речь идет лишь об одной нации — российской. По сравнению с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.) мы наблюдаем существенно иной подход. Если прежде нация рассматривалась в качестве этнокультурного феномена, то теперь она предстает как нация-государство (российская нация). Одновременно используемый в Стратегии термин «российская нация» не соответствует содержанию применяемого в любых иных случаях понятия «национальный». Ибо оно употребляется не в политическом (гражданском), как в ситуации с российской нацией, а в другом смысле — этническом (этнокультурном). Об этом говорит употребление таких понятий, как «национальная политика», «национальность», «межнациональное согласие» и др. Таким образом, в самой Стратегии присутствует терминологическая путаница. И если пытаться следовать заданной в понимании российской нации логике, то неизбежно возникает вопрос, что такое межнациональные отношения, если в стране существует лишь одна нация — российская.

Среди отдельных групп российских ученых бытует мнение о нации как политической (гражданской) общности, а об этносе — как социокультурной общности. Однако и в повседневном обиходе, и в научном и политическом дискурсе, четкого разделения данных понятий не существует. Понятие «национальный» употребляется, как и в Стратегии, в значении «государственный», «гражданский» (национальный доход, национальные интересы государства и т. д.), но также и в значении «этнический», «этнокультурный» (национальная культура, межнациональные отношения и т. п.). Многозначная трактовка понятий «нация» и производных от него терминов в значительной степени связана с различными традициями его применения. В англо-саксонской — это нация-государство, в то время как в немецкой

и российской, скорее, нация-культура. Кроме того, действующая у нас нормативно-правовая база в области национальной политики в виде закона «О национально-культурной автономии» сохраняет традицию советского периода: нация понимается как нация-культура.

Заметим, что в переводе с латинского нация — это племя, народ. Важно обратить внимание также на то, что «когда в конце XIII в. это слово было введено в английский язык, оно использовалось в своем первоначальном смысле для обозначения кровнородственной группы» [9, с. 61].

В этом отношении весьма актуален вывод Т. К. Ооммена, президента Международной социологической ассоциации в 1990-1994 гг.: «Попытка определить нацию (национальность) как политическую субстанцию несостоятельна, потому что: а) это ведет к еще одной концептуальной путанице, а именно — государства с нацией; б) это неверно эмпирически, поскольку приписываемый Наполеону принцип «Каждой нации — государство, в каждом государстве — единая нация» не был осуществлен даже в пределах Западной Европы, т. е. колыбели мононациональных государств» [12, с. 25].

Многолетняя и достаточно жесткая полемика между сторонниками гражданской (политической) и этнической (культурной) трактовки нации не привела к явной победе одной из сторон. Идеологическая гегемония на Западе политической концепции нации, институционально выраженная, например, в организациях типа Организации Объединенных Наций, не смогла предотвратить наблюдавшийся в конце XX в. этнический ренессанс, связанный, безусловно, с концепцией «культурной нации». Поэтому актуальны не продолжение конфронтации, не активные попытки вытеснить этнокультурную трактовку нации, а рефлексивная коммуникация этих двух точек зрения по вопросу о нации. С учетом существующего положения правильнее говорить о том, что нация существует в двух основных формах — как нация-культура и нация-государство. Это тем более важно, что установка властей обосновать понимание России как единой (или тем более одной) нации противоречит положению Консти-

туции о России как многонациональном государстве (многонациональном народе), а также устойчивой российской традиции рассмотрения нации как этнокультурного феномена. Поэтому задача состоит не в замене одного смысла понятия нации другим, на чем много лет настаивают некоторые наши ученые, а в их терминологическом различении. Для обозначения данных феноменов целесообразно использовать не одно понятие, а два — соответственно «этнонациональный» и «национально-государственный» (или «общенациональный»).

Важно также, что под национальной политикой обычно имеется в виду политика, касающаяся разных этнических (этносоциальных, этнокультурных) субъектов. Отсюда ее целесообразно называть не национальной а этнонациональной политикой. Такая точка зрения имеет обоснование в существующей литературе [1; 19].

Настойчивое насаждение в обществе гражданского (политического) смысла понятия «нация» может привести к результатам, противоположным тем, на которые рассчитывают его инициаторы, а именно — оно способно не интегрировать, а дезинтегрировать, расколоть общество, причем, уже на стадии элементарного обсуждения этой актуальной темы. Именно так произошло с идеей подготовки закона о российской нации. Предложение принять такой закон высказал В. А. Михайлов на заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ (31 октября 2016 г.). Президент эту идею поддержал: «Но что точно совершенно можно и нужно реализовывать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, — это закон о российской нации» [6].

Сразу после этого в обществе началась острая дискуссия о целесообразности такого закона. Абсолютное большинство экспертов высказывают резко негативное отношение к данной идее [0; 30]. Причем, это касается представителей как преобладающей по численности в России национальности — русских, так и других народов. И те, и другие, скорее всего, опасаются посягательства на то, что касается их национальной (в смысле этнической) общности или

даже идентичности. Ситуация усугубляется тем, что свое, не вполне адекватное, на наш взгляд, видение этой серьезной проблемы представляют высокопоставленные чиновники, мнение которых в общественном сознании оценивается как официальная позиция. Так, министр культуры РФ В. Р. Мединский считает спор вокруг понятия «русский» и «российский» надуманным, полагая, что они являются по сути тождественными, а их различие оценивает как вопрос «вкусовых пристрастий» [10].

Идея возможной разработки закона о российской нации интересует не только специалистов. Достаточно критическая и, по сути, верная диагностика возникшей проблемной ситуации дается и рядовыми пользователями Глобальной сети. Вот одно из мнений: «Надеюсь, закон не определит, что де все, кто имеет паспорт РФ — это русские? Ибо: если да, то это бред... Если нет, то зачем нужен этот закон?» [17].

Самое опасное состоит в том, что закон о российской нации может спровоцировать этнический сепаратизм. Такие опасения уже присутствуют в информационном пространстве.

«Незадолго до Нового года в Кабардино-Балкарии прошел съезд балкарского народа, который поставил региональным властям ультиматум, пригрозив выходом Балкарии из состава республики. Подобные всплески этнического сепаратизма, похоже, в будущем году будут возникать все чаще, по мере разработки федерального закона «О российской нации»» [30].

Видимо, учитывая возникший негативный общественный резонанс по поводу данного закона, представители Администрации Президента стараются смягчить позицию. Так, в официальной информации о прошедшем 15 декабря 2016 г. заседании президиума Совета по межнациональным отношениям уже не упоминается непосредственно закон о российской нации, а говорится о выработке предложений «по нормативному регулированию отношений в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Акцентируется также необходимость изучения всех точек

зрения и недопустимость поспешных и непродуманных предложений [5].

В то же время стоит обратить внимание на то, что руководителем временной рабочей группы по исполнению данного поручения назначен заместитель председателя президиума Совета академик В. А. Тишков, который является наиболее активным и настойчивым сторонником политической концепции нации.

Его позиция не является достаточно строгой в научном отношении. В свое время он утверждал, что термин «нация» (как и «национализм») не принадлежит к научным и политически операциональным категориям, а многолетние дискуссии по этим проблемам называл глобальной и долговременной мистификацией [23]. Нация для него — всего лишь метафора, которая, правда, приобрела мощный эмоциональный и политический смысл [24].

В конце января 2017 г., после упоминавшегося заседания президиума Совета по международным отношениям В. А. Тишков публикует статью с изложением своей позиции по поводу того, что есть нация [25]. Академик дает весьма точную характеристику многих, достаточно противоречивых и неоднозначных процессов, связанных с рассматриваемой проблематикой. В то же время наиболее важные его положения вызывают сомнения.

Так, он ставит под вопрос правомерность разговора о «нациях в этническом смысле» применительно к современным условиям. Однако одновременно предлагает «ввести в научный язык возможность двойного смысла, то есть обозначение нацией двух разных типов социальной коалиции людей — общности по государству и общности по схожести культуры» [25] (заметим, что такие смыслы понятия нации давно существуют в научном дискурсе, о чем было сказано ранее). Исходя из этого, автор считает, что для характеристики многонациональной России, ее многонационального народа подходит формула «нация наций». Как представляется, эта формула может быть приемлема как некоторая метафора в обыденном употреблении, но недопустима для научного или политического языка, а тем более

для законодательного закрепления, которое предполагает однозначное толкование понятий и терминов. На самом деле данная формула не добавляет ясности в рассматриваемую проблему уже по той причине, что одним понятием обозначается два разных смысла.

Не меньше сомнений вызывает содержательная интерпретация самого понятия нации. Во-первых, оно, так же, как и понятия «народ», «государство», относится автором «к категории социально-конструируемых». Во-вторых, нация, с его точки зрения, — это, прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией», т. е. нация понимается как нечто, ограниченное сферой сознания, идентичности. В-третьих, нация, по его мнению, есть «инструмент достижения коллективной мобилизации и солидарности гражданских или этнических сообществ для обретения ими суверенного статуса, обеспечения безопасности, организации власти и социального порядка, сохранения и развития культуры» [25].

Налицо конструктивистская и инструменталистская трактовка природы нации и содержания соответствующего понятия. Если вложить в данное понятие именно это содержание, то возникает закономерный вопрос: что собой будет представлять планируемый закон о российской нации? Это закон о российской идентичности? В принципе это соответствует предложению В. А. Тишкова принять федеральный закон рамочного характера под названием «Формирование российской идентичности», которое он высказал на заседании Совета по международным отношениям 31 октября 2016 г. [6]. Но, по нашему убеждению, российская идентичность и российская нация представляют собой разные явления, хотя и тесно связанные.

При конструктивистском подходе вопрос о формировании нации может быть сведен к грамотной постановке работы по массивному информационному воздействию на сознание людей для достижения определенных целей — формирования у них заданных интеллектуальных конструктов. Существующие ныне информаци-

онные технологии, современные средства массовой информации позволяют решать многие серьезные задачи, в том числе по мобилизации людей на массовые действия. Но надо иметь в виду, что эти технологии не всегда срабатывают. Последний яркий пример — победа Д. Трампа на президентских выборах в США вопреки беспрецедентной информационной компании, направленной против него, а также максимального задействования потенциала прежней администрации. Результат оказался прямо противоположным тому, который целенаправленно организовывался. Сам этот факт свидетельствует о том, что СМИ, даже при подключении административного ресурса не всесильны, что, помимо них, существуют другие факторы и механизмы формирования массового сознания и мобилизации людей на определенные действия.

Говоря о российской действительности, отметим, что сразу после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. в качестве главной задачи национальной политики ставилась пропаганда идеи российской нации. Это полностью соответствовало методологическим установкам конструктивистского подхода в политике. Однако вскоре, видимо, пришло осознание наличия более сложных механизмов процесса формирования российской нации. В действительности нация — это не только форма коллективного сознания, но также и коллективного существования, коллективного действия, коллективной субъектности. Безусловно, конструкты сознания играют важную роль в жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом, особенно в современных условиях развитых информационных технологий. Однако следует иметь в виду, что сами конструкты являются вторичными, производными от других, объективных условий существования, которые в конечном итоге оказываются определяющими. Без их учета невозможно адекватно понять сложный процесс обеспечения общенационального единства и межэтнической интеграции российского общества.

В этой связи вполне правомерной является идея, высказанная В. А. Тишковым во время выступления на Совете по межнациональным от-

ношениям 31 октября 2016 г. Он совершенно справедливо говорит: «Национальное единство обеспечивается не только в сфере самосознания, но и в сфере мобильности и коммуникативных связей граждан одной страны»; пространственная связка нации не менее важна, «чем духовные и культурные скрепы» [6]. Помимо этого существуют, конечно, и другие важные условия и факторы формирования общенационального единства, о чем будет сказано далее.

Возвращаясь к дискуссии по вопросу принятия закона о российской нации хотелось бы еще раз подчеркнуть: в экспертном и общественном сознании российского общества не существует однозначной содержательной интерпретации понятия «нация». Это известно многим экспертам, в том числе тем, кто оказывает непосредственное влияние на принятие властными структурами важных решений по проблемам национальной политики. Зачем же в этой ситуации ставить задачу принятия федерального закона формирования российской нации, если уже на терминологическом, понятийном уровне в обществе не существует общественного согласия по данному вопросу? Может ли такой шаг привести к консолидации? Очевидно, что нет. Напротив, уже только декларация такой задачи привела к расколу. Настойчивое «проталкивание» данной идеи неизбежно приведет к усилению напряженности и дезинтеграционным тенденциям.

Далее затронем другие вопросы, касающиеся концептуальных оснований государственной национальной политики, так или иначе связанных с проблемой межэтнической интеграции.

Главными стратегическими акцентами в Стратегии государственной национальной политики РФ определены, с одной стороны, укрепление государственного единства и целостности России, упрочение общероссийского гражданского самосознания, с другой стороны, сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, их этнокультурной самобытности. Государственническая ориентация Стратегии и ее установка на формирование российской нации выражают, очевидно, дух модели нации-государства. Существующая одновременно ориентация

на сохранение и развитие этнокультурного многообразия выражает дух модели нации-культуры. Причем в документе доминирующей выступает первая из этих целей, хотя обе они представлены как рядоположенные. Это тем более актуально в условиях глобального масштаба данной проблемы, о чем было сказано в начале статьи.

Вместе с тем в Стратегии нет ясного определения и характеристики механизма, который бы выполнял важнейшую функцию взаимосвязи общероссийского гражданского самосознания (и опирающегося на него национального единства) и этнокультурного многообразия. Главное внимание в Стратегии уделено межнациональным (межэтническим) отношениям, а этнокультурное многообразие зачастую выступает лишь фоном. В частности, ничего не сказано о таких важных вопросах, как этническая структура нашей страны, существование многочисленных этнических групп, о ситуации и процессах их этнокультурного развития.

Но когда не осуществлен анализ и даже не поставлена задача по отслеживанию ситуации этнокультурного многообразия, трудно ожидать его сохранения и, тем более, развития. Это не может быть достигнуто без сохранения этнической идентичности, однако в тексте Стратегии данный термин не встречается. На наш взгляд, подспудно этническая идентичность рассматривается как отрицательное явление. На наш взгляд, это абсолютно неправомерно в условиях, когда она, вместе с этнокультурным многообразием, превратилась в важный фактор современного развития.

Общенациональная и этническая идентичности являются значимыми видами социальной идентичности. Общенациональная идентичность выступает фактором консолидации общества на основе общих интересов и ценностей. Высокая степень ее выраженности является залогом политического и духовного единства российского общества. Этническая идентичность выступает формой проявления аффилиативной потребности и в этом качестве взаимосвязана как со специфическими человеческими потребностями, в частности, с потребностью в нормативном регулировании, так и с базовыми витальными потребностями

в виде потребности в самосохранении. Так, в условиях наблюдаемого в 1990-е гг. резкого снижения степени организованности социальных отношений, фрагментации отдельных сфер жизнедеятельности и деградации систем политического управления, этническая идентичность людей превратилась в наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий определенный уровень социальной защищенности и самосохранения человека.

Этот момент необходимо учитывать в процессе реализации национальной политики. Как представляется, одной из причин негативной реакции на идею закона о российской нации послужило опасение людей, что его принятие может стимулировать определенное «притеснение» этнической идентичности. На самом деле общенациональная и этническая идентичности не являются взаимоисключающими. Это со всей очевидностью демонстрируют результаты наших социологических исследований, проведенных в регионах Сибири среди представителей разных этнических групп. Задача состояла в изучении общенациональной и этнической идентичностей как в сопоставлении между собой, так и в соотношении с другими видами социальной идентичности. Для иллюстрации приведем данные по трем регионам — Республике Алтай, Новосибирской области и Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре (ХМАО), которые отличаются между собой по конституционно-правовому статусу, уровню социально-экономического развития, этнической структуре, характеру миграционных процессов (таблица 1). Все рассматриваемые виды идентичности (общенациональная, этническая, макрорегиональная, региональная, локальная) оказались для респондентов достаточно значимыми, хотя наблюдаются определенные региональные различия. При общем почти для всех доминировании государственно-гражданской идентичности, четко выраженными являются и другие ее виды. Такой баланс является благоприятным как для развития личности, так и для общества в целом. И задача национальной политики состоит в том, чтобы способствовать не их конкуренции, а взаимодей-

полнению, своего рода интеграции, что может способствовать формированию сплоченности, единства общества.

Концептуально значимым и одновременно проблемным вопросом представляется выделение объекта национальной политики. Если судить по тексту Стратегии, то ее объектом рассматриваются межнациональные (межэтнические) отношения. Именно на них, как отмечалось, сделан главный акцент в констатирующей части Стратегии. Их отслеживания касается и важная задача национальной политики — создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Проведение государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений определено также одной из задач созданного Федерального агентства по делам национальностей.

Таким образом, объект национальной политики во многих случаях ограничен межнациональными отношениями и конфликтными ситуациями, в то время как с ее помощью следует регулировать этносоциальные процессы в целом (от этноэкономических и этнодемографических процессов до этнокультурных, этнополитических и этноправовых), которые, по нашему убежде-

нию, следует рассматривать как комплексный объект национальной политики. Межнациональные отношения представляют собой лишь часть, определенное проявление, некоторый продукт более глубинных этносоциальных процессов, которые, также как и межнациональные отношения, нуждаются в целенаправленном государственном регулировании. Без этого вряд ли возможно целостное видение происходящих в обществе процессов.

Наша принципиальная позиция состоит в рассмотрении этносоциальных процессов сквозь призму межэтнических (межнациональных) взаимодействий. Соответственно развитие отдельных этносов (народов) и этнических групп предстает как взаимозависимое развитие в рамках локального (регионального, муниципального) межэтнического сообщества, которое следует интерпретировать как элементарный эмпирический объект в исследовании этносоциальных процессов. Таким образом, в поле зрения этнонациональной политики должны находиться не только отдельные люди, этнические группы, общественные организации и т.п., но и межэтнические сообщества в целом, а взаимообусловленное развитие отдельных этнических групп следует рассматривать как условие общего регионального и локального благополучия.

Таблица 1. Степень важности разных видов идентичности для представителей этнических групп, 2014 г. (%; N = 1 430)

Table 1. The degree of importance of different types of identity for representatives of ethnic groups, 2014, % (N=1,430)

Виды идентичности	Новосибирская область		ХМАО-Югра		Республика Алтай	
	Русские	Другие национальности	Русские	Другие национальности	Русские	Алтайцы
Общенациональная идентичность (важно чувствовать себя россиянином)	86	81	91	89	93	88
Этническая идентичность (важно чувствовать себя представителем своего народа)	81	74	72	74	70	95
Макрорегиональная идентичность (важно чувствовать себя сибиряком)	80	74	65	70	78	79
Региональная идентичность (важно чувствовать себя жителем своей республики/округа, области)	-	-	61	76	72	94
Локальная идентичность (важно чувствовать себя жителем своего населенного пункта)	71	74	72	80	-	-

С учетом сказанного выше мы отстаиваем идею о необходимости организации и проведения в процессе реализации этнонациональной политики разных видов мониторинга для решения различающихся конкретных задач (текущих, тактических и долгосрочных, стратегических). В настоящее время Федеральным агентством по делам национальностей разработана система и внедряется автоматизированный мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере национальной политики в субъектах Российской Федерации. Хотя целевые установки самого агентства при этом являются достаточно обширными, поскольку с его помощью предполагается обеспечить широкие возможности — от мониторинга государственных программ в сфере межнациональных отношений и качества оказания соответствующих государственных услуг до автоматического формирования отчетов по различным вопросам реализации национальной политики и межнациональных отношений [11], в целом данный мониторинг, как представляется, выступает, прежде всего, средством оперативного реагирования на текущие ситуации. По распоряжению Президента России должен быть разработан также мониторинг информационных угроз в сети Интернет.

В условиях существенно возросшей роли в современном мире различного рода электронных средств связи такая установка является чрезвычайно актуальной и вполне оправданной. В то же время задачи национальной политики не сводятся к решению текущих проблем, в частности, по предупреждению конфликтных ситуаций и разного рода угроз, а предполагают также регулирующее воздействие на долгосрочные процессы и тенденции. Поэтому в рамках данного направления государственной политики должен быть реализован и социокультурный мониторинг динамики межэтнических сообществ как важное условие диагностики и прогнозирования основных тенденций этносоциального развития. Он предполагает, среди прочего, диагностику социального самочувствия представителей разных этнических групп и этнокультурного развития в целом [16].

Еще одна важная проблема касается целесообразности выделения региональных моделей государственной национальной политики. Такая постановка вопроса во многом обоснована выводами наших конкретных этносоциологических исследований, проведенных в разных регионах Сибири. В частности, зафиксированы следующие основные общие тенденции развития этносоциальных процессов, задающие особенности этносоциальной ситуации в конкретных региональных межэтнических сообществах Сибири: территориальное сжатие русского населения, обусловленное депопуляцией и миграционными процессами, при стабильности его доли в общей численности населения Сибири; рост численности и этнокультурного потенциала титульных народов национально-территориальных образований (якуты, буряты, тувинцы, ненцы и др.); актуализация национального самоопределения и корректировка этнической идентичности, этнической фрагментации (дробления) «официальных» этносов (например, в Республике Алтай) с перспективой этнической реинтеграции; интенсификация миграционных процессов, территориальная концентрация представителей разных этнических групп, являющаяся своеобразной формой адаптации и стимулирующая этническую мобилизацию и этнополитическую консолидацию; укрепление национальной государственности коренных народов Сибири, накопление этносимволического капитала и возрождение традиционных институтов власти и управления, усиление этнократии; локализация этносоциальных процессов в регионах, ведущая к консолидации этнотерриториальных общностей и региональному патриотизму.

Наши исследования в целом показали: во-первых, разную степень остроты этносоциальной ситуации и межэтнических отношений в разных регионах Сибири; во-вторых, неблагоприятную динамику этих отношений в оценках массового и экспертного сознания (стабилизация ситуации диагностируется экспертами лишь в последние два года); в-третьих, миграционные процессы как один из главных факторов межэтнической напряженности; в-четвертых, более низкий уро-

вень благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего русских, по сравнению с приезжими; в-пятых, преимущественно недоброжелательное отношение принимающего сообщества к мигрантам; в-шестых, признание большинством опрошенных необходимости мер по ограничению притока мигрантов в их регионах [31].

Этнические группы интегрированы в Российскую Федерацию опосредовано через региональные сообщества с разными актуальными проблемами. Поэтому важной задачей, не нашедшей отражения в Стратегии являются, на наш взгляд, формирование региональных моделей национальной политики. Эти модели должны учитывать объективные процессы, идущие в локальных межэтнических сообществах. При этом важно руководствоваться не только общестратегическими целями и задачами этнонациональной политики, но и учитывать ее региональную специфику. [18].

Весьма важное воздействие на характер этносоциальных процессов в ряде регионов в настоящее время оказывает внешняя и внутренняя миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные (локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос. Как показали наши исследования, местное население, прежде всего русские, настроены более критично, по сравнению с мигрантами, в оценке многих вопросов: в оценке отношения к себе со стороны других людей, уровня удовлетворенности разными сторонами жизни, динамики межэтнических отношений и степени их остроты, отношения к мигрантам и др. Субъективно именно русские в большей степени испытывают дискомфорт и тревогу относительно существующей, связанной главным образом с миграционными процессами, этносоциальной ситуации и межэтнических отношений. Поэтому актуальной является не только проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество, но и проблема, касающаяся чувства незащищенности местного населения и, как следствие, его критическое отношение к мигрантам. В этой связи

важное значение имеет разработка программ по адаптации местного населения к меняющейся этносоциальной ситуации.

В заключение отметим, что современный опыт развития человечества показал невозможность существования модели развития, одинаково пригодной для всех стран и народов. Поэтому сложившиеся в России фундаментальные научные традиции в области национальной проблематики не должны приноситься в жертву задаче, во что бы то ни стало подогнать их под современный «западный стандарт», особенно когда сам западный мир демонстрирует неспособность справиться со многими актуальными вызовами.

Стремление навязать «универсальную» модель встречает активное со-противление и оборачивается многими негативными последствиями и парадоксами, часто приводит к результатам, прямо противоположным тем, которых ожидали проводники соответствующей политики. Наличие в обществе множества этнокультур рождает множество идентичностей, которые должны учитываться в национальной политике, попытки же «найти тотальную (политическую) идентичность в культуре обречены на неудачу, а политика всеобщей идентификации, ориентированная на культуру, ведет к насилию» [20, с. 182].

Одним из сдерживающих внутренних факторов для достижения единства российского общества и развитого чувства государственно-гражданской идентичности является недостаточный уровень социального благополучия основной части населения и неудовлетворенное чувство социальной справедливости. Существует также общественный запрос на иной, чем есть в реальности, уровень законности и порядка. Об этом свидетельствуют результаты наших конкретных исследований, а также выводы других ученых. В современных условиях нужны изменения в экономической и социальной политике государства в интересах основной массы населения и создание таких условий, при которых люди могли бы гордиться и тем, что они являются представителями конкретных этнических общностей, и своей гражданской принадлежностью. Немаловажную роль играет здесь высокий уровень пре-

стижа власти как одного из оснований для формирования гордости людей за свою страну и государство, их подлинной гражданственности.

Это возможно при условии реализации целевой установки государства на устойчивое развитие страны и социальное благополучие ее граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулатипов Р. Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы) / Р. Г. Абдулатипов. М.: Классик Стиль, 2007. 552 с.
2. Абдулатипов раскритиковал идею закона о российской нации.
URL: <http://onkavkaz.com/articles/3281-abdulatipov-raskritikoval-ideyu-zakona-o-rossiiskoi-nacii.html> (дата обращения: 29.01.2017).
3. Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить. <http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit> (дата обращения: 30.01.2017).
4. Ерохина Е. А. Концептуальные основания и принципы регионального моделирования этнонациональной политики в современной России / Е. А. Ерохина // Сибирский философский журнал. 2016. Том 14. № 4. С. 174-188.
5. Заседание президиума Совета по межнациональным отношениям. 15 декабря 2016 года.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/53482> (дата обращения: 30.01.2017).
6. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года.
URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/53173> (дата обращения: 30.01.2017).
7. Зорин В. Мы часто выдаем причину за следствие и наоборот... / В. Зорин // Российская Федерация сегодня. 2012. № 22. С. 19-21.
8. История министерств по делам национальностей в СССР и России. 31.03.2015:
<https://ria.ru/spravka/20150313/1052460180.html> (дата обращения: 30.01.2017).
9. Коннор У. Нация — это нация, это государство, это этническая группа, это... / У. Коннор // Этнос и Политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 60-62.
10. Мединский считает надуманным спор вокруг термина, которым следует называть граждан РФ. 19 ноября 2016 г. URL: <http://tass.ru/kultura/3798002> (дата обращения: 30.01.2017).
11. О мониторинге состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений.
URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/137/original/present_gis_3.09.pdf?1441744802 (дата обращения: 15.06.2016).
12. Ооммен Т. К. Этния и национальность: как избежать путаницы / Т. К. Ооммен // Этнос и политика: Хрестоматия / Ун-т рос. акад. образования; Авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 24-27.
13. Попков Ю. В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели / Ю. В. Попков // СОЦИС. Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39-44.
14. Попков Ю. В. О региональных моделях национальной политики / Ю. В. Попков // Вестник Российской нации. 2013. Том 6. № 6(32). С. 51-66.
15. Попков Ю. В. Проблемное поле национальной политики в современной России / Ю. В. Попков, В. Г. Костюк // Сибирский философский журнал. 2015. Том 13. № 3. С. 71-80.
16. Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества / Ю. В. Попков, В. Г. Костюк // Сибирский философский журнал. 2016. Том 14. № 3. С. 149-160.
17. Путин призвал разработать закон о российской нации. Всем ли понравится? 31.10.2016.
URL: <http://www.yaplakal.com/forum1/topic1481522.html> (дата обращения: 30.01.2017).
18. Региональные модели национальной политики современной России / М. А. Абрамова и др.; под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. 1. 176 с.

19. Смищенко Р. С. Принципы этнонациональной политики Российской Федерации на современном этапе / Р. С. Смищенко // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1. С. 191-194.
20. Сморгунов Л. В. Политическая идентичность и понятие политического / Л. В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 178-185.
21. Странники выхода Калифорнии из США получили разрешение на сбор подписей. 28 января 2017 г. URL: <http://news.vkupon.ru/index.html?id=1895962> (дата обращения: 30.01.2017).
22. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 28.01.2013).
23. Тишков В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) / В. А. Тишков // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3-26.
24. Тишков В. А. Нация — это метафора / В. А. Тишков // Дружба народов. 2000. № 7. С. 170-182.
25. Тишков В. А. Что есть нация. В поисках российской идентичности / В. А. Тишков // Независимая газета. 24.01.2017. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 30.01.2017).
26. Трамп подписал указ о возведении стены с Мексикой. 25.01.2017. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/80418> (дата обращения: 30.01.2017).
27. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)». 2013. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения 21.09.2013).
28. Федотова Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики / Федотова Н. Н. // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52-62.
29. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
30. Что вскрыл на Кавказе закон «О российской нации» 4.01.2017. URL: <http://www.yaplakal.com/forum3/topic1520580.html> (дата обращения: 26.01.2017).
31. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю. В. Попков и др.; под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

State National Policy as a Factor of Ethnic Integration in Russian Society

Yuri V. Popkov

Dr. Sci. (Philos.), Professor, Deputy Director for Science,
Director of the Ethno-social Research Department,
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk)
yuripopkov54@mail.ru

Abstract. This article analyses a series of conceptual problems of contemporary Russian national policy, with an emphasis on the identification of its role as an interethnic integration factor. The problem is becoming more urgent in multiethnic regions, particularly in Siberia. The article shows that the problem of regulating ethno-social processes, which are part of interethnic relations, has become global with regard to society's growing ethno-cultural complexity at all levels of its organisation. The author stipulates the need for national historical experience and established traditions of scientific understanding in the implementation of national policies. Rigid long-standing controversy between the supporters of civic (political) and ethnic (cultural) interpretations of the nation has not led to a clear victory of either party. Therefore, to describe these phenomena the author proposes two terms: *nation-state phenomenon* and *ethno-national phenomenon*. In contrast to the constructivist position in understanding the nation, the author defends the view that the nation is not only a form of collective consciousness, but also collective existence, collective action, and collective subjectivity. The author reasons for complementary public-civic and ethnic identities. Ethno-social processes are considered as an integrated object of national policy. The development of separate ethnic groups is represented as an interdependent development within the local and regional ethnic community, which is interpreted as an elementary object of the empirical study of ethno-social processes. The author justifies the need for regional models of national policy on the basis of the current problems and main trends in the ethno-social development of the peoples of Siberia. This takes into account the specifics of objective processes that operate in local interethnic communities. The author believes that implementation of conceptual paradigms by local authorities is an important condition of ethnic integration within Russian society.

Keywords: Nation, national policy, ethnic relations, region, ethno-social processes, integration.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94

Citation: Popkov Yu. V. 2017. "State National Policy as a Factor of Ethnic Integration in the Russian Society". *Siberian Socium*, vol. 1, no 1, pp. 82-94.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94

REFERENCES

1. Abdulatipov R. G. 2007. *Etnonacionalnaya politika v Rossiyskoy Federacii (konceptii, praktika, realizaciya, perspektivy) [Ethno-National Policy in the RF (Concepts, Practices, Implementation, Prospects)]*, Moscow: Klassiks Stil.
2. Abdulatipov raskritikoval ideyu zakona o rossiyskoy nacii [Abdulatipov Criticizes the Idea of the Law on the Russian Nation]. Accessed on 29 January 2017. <http://onkavkaz.com/articles/3281-abdulatipov-raskritikoval-ideyu-zakona-o-rossiiskoi-nacii.html>
3. Abramova M. A. *et al.* 2016. *Regionalnye modeli nacionalnoy politiki sovremennoy Rossii [Regional Models of the National Policy of Modern Russia]*, vol. 1. Novosibirsk: Manuskript.

4. Berite stolko suvereniteta, skolko smozhete progлотit [Take as Much Sovereignty as You Can Swallow]. Accessed on 30 January 2017. <http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-progлотit>
5. Chto vskryl na Kavkaze zakon “O rossiyskoy natsii” [What Has the Law “On the Russian Nation” Revealed in the Caucasus?]. 2017. Accessed on 26 January 2017. <http://www.yaplakal.com/forum3/topic1520580.html>
6. Connor U. 2000. “Natsiya — eto natsiya, eto gosudarstvo, eto etnicheskaya gruppya, eto” [A Nation is a Nation, a State, an Ethnic Group, a...]. In: *Etnos i Politika: Khrestomatiya*, pp. 60–62. Moscow: University of Russian Academy of Education Publishing House.
7. Erokhina E. A. 2016. “Konceptualnye osnovaniya i principy regionalnogo modelirovaniya etnonatsionalnoy politiki v sovremennoy Rossii” [Conceptual Foundations and Principles of Regional Modeling of Ethno-National Policy in Modern Russia]. *The Siberian Journal of Philosophy*, vol. 14, no 4, pp. 174–188.
8. Federal Target Programme “Ukrepelenie edinstva rossiyskoy natsii i etnokulturnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)” [Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethno-cultural Development of the Peoples of Russia (2014–2020)]. Accessed on 21 September 2013. <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>
9. Fedotova N. N. 2013. “Konceptcii identichnosti v usloviyah nelineynoy sociokulturnoy dinamiki” [Concepts of Identity in the Context of Non-Linear Sociocultural Dynamics]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no 2, pp. 52–62.
10. Huntington S. P. 2008. *WHO ARE WE? The Challenges to America’s National Identity*. Moscow: AST Moscow.
11. Istoriya ministerstv po delam nacionalnostey v SSSR i Rossii [The History of the Ministries for Nationality in the USSR and Russia]. Accessed on 30 January 2017. <https://ria.ru/spravka/20150313/1052460180.html>
12. Medinskiy schitaet nadumannym spor vokrug termina, kotorym sleduet nazyvatsya grazhdan RF [Medinsky Considers Controversial the Debate about the Term to Be Applied to Russian Citizens]. 2016. Accessed on 30 January 2017. <http://tass.ru/kultura/3798002>
13. Meeting of the Council on Interethnic Relations. October 31, 2016. Accessed on 30 January 2017. <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/53173>
14. Meeting of the Presidium of the Council on Interethnic Relations. 2016. Accessed on 30 January 2017. <http://www.kremlin.ru/events/administration/53482>
15. O monitoringe sostoyaniya mezhnatsionalnykh (mezhetnicheskikh) i mezhekonsfessionalnykh otnosheniy [On Monitoring the State of Interethnic and Interconfessional Relations]. Accessed on 15 June 2016. http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/137/original/present_gis_3.09.pdf?1441744802
16. Ommen T. K. 2000. “Etniya i nacionalnost: kak izbezhat putanicy” [Ethnicity and Nationality: How to Avoid Confusion]. In: *Etnos i Politika: Khrestomatiya*, pp. 24–27. Moscow: University of Russian Academy of Education Publishing House.
17. Popkov Yu. V. (ed.). 2015. *Etnosocialnye processy i etnonatsionalnaya politika v regionah Sibiri* [Ethno-Social Processes and Ethno-National Policy in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS Publishing House.
18. Popkov Yu. V. 2013. O regionalnykh modelyakh nacionalnoy politiki [On Regional Models of National Policy]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*, vol. 6, no 6(32), pp. 51–66.
19. Popkov Yu. V. 2015. Nacionalnaya politika v Rossii: celevye ustanovki i regionalnye modeli [National Policy in Russia: Target Directives and Regional Models]. *Sociological Studies. Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 4, pp. 39–44.
20. Popkov Yu. V., Kostyuk V. G. 2015. Problemnoe pole nacionalnoy politiki v sovremennoy Rossii [The Problematic Field of National Policy in Modern Russia]. *The Siberian Journal of Philosophy*, vol. 13, no 3, pp. 71–80.
21. Popkov Yu. V., Kostyuk V. G. 2016. “Konceptualnye i metodicheskie osnovy organizatsii sociokulturnogo monitoringa municipalnogo mezhetnicheskogo soobschestva” [Conceptual and Methodological Foundations of the Organisation of Socio-Cultural Monitoring of the Municipal Interethnic Community]. *The Siberian Journal of Philosophy*, vol. 14, no 3, pp. 149–160.

22. Putin prizval razrabotat zakon o rossiyskoy nacii. Vsem li ponravitsya? [Putin Calls for the Development of a Law on the Russian Nation. Will Everyone Like It?]. 2016. Accessed on 30 January 2017. <http://www.yaplakal.com/forum1/topic1481522.html>
23. Smishchenko R. S. 2008. Principy etnonacionalnoy politiki Rossiyskoy Federacii na sovremennom etape [Principles of the Ethno-National Policy of the RF at the Present Stage]. *Izvestiya of Altai State University*, no 4-1, pp. 191–194.
24. Smorgunov L. V. 2012. “Politicheskaya identichnost i ponyatie politicheskogo” [Political Identity and the Political Notion]. *Polis. Political Studies*, no 6, pp. 178–185.
25. Storonniki vyhoda Kalifornii iz SShA poluchili razreshenie na sbor podpi-sey [Supporters of California’s Leaving the USA Receive Permission to Collect Signatures]. 28 January 2017. Accessed on 30 January 2017. <http://news.vkupon.ru/index.html?id=1895962>
26. Strategiya gosudarstvennoy nacionalnoy politiki Rossiyskoy Federacii na period do 2025 goda [The 2025 State National Policy Strategy of the RF]. Accessed on 28 January 2013. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350>
27. Tishkov V. A. 1998. “Zabyt o natsii (Post-natsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma)” [Forget about the Nation (Post-Nationalist Understanding of Nationalism)]. *Voprosy filosofii*, no 9, pp. 3–26.
28. Tishkov V. A. 2000. Natsiya — eto metafora [Nation Is a Metaphor]. *Druzhba narodov*, no 7, pp. 170–182.
29. Tishkov V. A. 2017. “Chto est natsiya. V poiskah rossiyskoy identichnosti” [What Is a Nation? In Search of Russian Identity]. *Nezavisimaya gazeta*. Accessed on 30 January 2017. http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html
30. Tramp podpisal ukaz o vozvedenii steny s Meksikoy [Trump Signs the Decree on the Construction of a Wall with Mexico]. 25 January 2017. Accessed on 30 January 2017. <http://www.vestifinance.ru/articles/80418>
31. Zorin V. 2012. My chasto vydaem prichinu za sledstvie i naoborot [We Often Give the Cause as the Effect and Vice Versa]. *Rossiyskaya Federaciya segodnya*, no 22, pp. 19–21.